

ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО
ТРАНСФОРМАЦИЯ
ДЕМОКРАТИИ

ТЕРМЕОКЪ ВЪДРЪЩЕТО

Вильфредо Парето

**Трансформация
демократии (сборник)**

«Территория будущего»

1921

Парето В.

Трансформация демократии (сборник) / В. Парето —
«Территория будущего», 1921

В своей работе «Трансформация демократии» выдающийся итальянский политический социолог Вильфредо Парето (1848–1923) показывает, как происходит эрозия власти центрального правительства и почему демократия может превращаться в плутократию, в которой заинтересованные группы используют правительство в качестве инструмента для получения собственной выгоды. В книгу также включен ряд поздних публицистических статей Парето.

© Парето В., 1921

© Территория будущего, 1921

Содержание

Парето и демократия	5
Трансформация демократии	14
I. Вводные замечания[18]	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вильфредо Парето

Трансформация демократии

Парето и демократия

Вильфредо Парето (1848–1923) известен широким образованным массам как автор теории круговорота элит (и принципа, названного его именем, который на самом деле сегодня не вполне однозначно соотносится с его творчеством).

Как ученый, Парето принадлежит к той эпохе, которая своими корнями уходит в позитивизм XIX в., проникнутый верой в науку и ее всемогущество, и вместе с тем открывает период господства технологий и разочарования во всем, начиная с социальных утопий и заканчивая демократией, если говорить только о гуманитарной сфере.

Человек, который оставил больше 30 томов сочинений¹ по социологии, математике, экономике, политологии и т. д., создал себе собственный памятник и, наверное, заслуживает пристального внимания, хотя сегодня в полной мере такое внимание способны уделять только узкие специалисты. Но и для широкой публики многие из оригинальных текстов Парето могут быть интересны. Сегодня его считают классиком социологии; существуют институты и фонды, носящие его имя и посвященные изучению его жизни и деятельности.

Как и многие другие классики, Парето сконструировал систему, основанную не только на общеупотребительных или общепризнанных концепциях, вытекающих из культурной традиции и опыта предшественников, но и на выработанных им самим специальных понятиях и идеях. С одной стороны, такие термины, как «деривации», «остатки», «цикл демагогической плутократии», придают его статьям более однозначный и определенный, с авторской точки зрения, смысл; они лучше выражают авторское «Я», индивидуальный стиль и особое понимание общества; с другой стороны, если эти понятия не входят в общий оборот и не становятся всеобщим достоянием, их не используют другие исследователи, их понимание затруднено, и если сам Парето был вынужден в статьях постоянно давать пояснения и делать ссылки на свой фундаментальный труд по социологии², то сегодня, несмотря на популярность его имени в определенных ученых кругах, эта терминология выглядит еще более экзотичной. Впрочем, таковы недостатки всех систем, по крайней мере систем, описывающих общество; текучесть социальной жизни обрекает на неудачу любые попытки отразить ее в строго однозначных понятиях, и даже если таковые кажутся ясными и определенными, когда становятся привычными, – это лишь иллюзия, о чем никогда не следует забывать. Демократия, капитализм, даже свобода суть слова, впитавшие столько мифологии, что для строгой науки (насколько таковая возможна) их использование становится проблематичным.

Создание систем – традиция XIX–XX веков, попытка сблизить методы гуманитарных наук и естествознания. Практически в известных рамках она осуществима, но эти рамки довольно узки, и при желании выйти за них ученый начинает сильно обманываться. Не об этом ли пишет сам Парето, рассуждая о возможностях и пределах опытного познания, или «логико-экспериментальной науки», как он его называет?

Выведение общих законов истории и социологии выливается в банальность, когда человек пытается формализовать некоторые природные принципы – повторяемость и чередование, природные циклы, рост, упадок и т. п. или в более или менее удачно зашифрованную догматическую схему. Вильфредо Парето отдавал себе отчет в этих трудностях, когда писал

¹ Pareto V. Oeuvres complètes // Publiées sous la direction de Giovanni Busino. 32 vv. Genève, Droz, 1964–2005.

² Trattato di sociologia generale. v. 1–2. Firenze, 1916. Англ. перев.: The Mind and Society. L., 1935.

статьи, прогнозирующие развитие событий и в той степени, в какой он видел это возможным, приоткрывающие завесы будущего. Его статьи недогматичны; это не значит, что они ненаучны; напротив, постоянные оговорки, отсылки к другим работам и авторам, сомнения, которые могут вызвать и раздражение у читателя, желающего большей определенности, – как раз черты научного подхода.

Сложно до конца четко определить круг интересов Парето и область его деятельности. Принято называть его социологом, так как его главный труд называется «Социология», но ему принадлежит также учебник по политической экономии, не говоря уже о том, что начинал он как инженер. Биография ученого – это хронологический перечень его трудов, но Парето не сразу пришел к занятиям наукой и до конца жизни сохранил пристрастие к политической деятельности и публицистике. Разнообразие его интересов было, предопределено разнообразием судеб членов его семьи и обстоятельств жизни. Он родился в Париже в революционном 1848 г. в семье выходца из Генуи Раффаэле Парето. Предки занимались торговлей, как многие генуэзские нобили, и в начале XVIII в. получили титул маркизов. Дед избирался в городские мэры. Парето принадлежали к республиканскому и либеральному лагерю, играли заметную политическую роль в эпоху Наполеоновских войн. В 1836 г. Раффаэле, инженер по профессии, эмигрировал в Париж вместе с другими сторонниками революционной борьбы за объединение Италии; здесь он женился на Мари Маттенье, от которой у него было трое детей. Фриц Вильфрид получил свое имя, вероятно, в связи с событиями, происходившими в 1848 г. в германских землях. Он получил начальное образование и в 1858 г. последовал за отцом в его родной город, а в 1870 г. закончил Туринскую инженерно-техническую школу, старейшую в Италии. Занятия естественными науками и математикой повлияли на общие воззрения будущего ученого и его подход к социальным исследованиям, в частности на его представление о социальном организме как системе динамического равновесия циклических процессов.

С этого времени до 1889 г. Парето служил инженером, в железнодорожной компании в Риме и во Флоренции, затем на сталелитейном заводе. Одновременно он занимается политической экономией и вращается в кругах флорентийской интеллигенции, где в эти годы оживленно дебатировались политические и социальные проблемы эпохи Рисорджименто. Парето сотрудничает с газетами и журналами, где публикует критические статьи. Неудачные попытки баллотироваться в парламент молодой Италии на платформе сторонников свободной торговли укрепили скепсис начинающего ученого в отношении перспектив общественного благоустройства.

В 1889 г. происходят перемены. Парето оставляет инженерную службу и посвящает себя политике и публицистике. Тогда же он женится на Александрине Бакуниной³. Этот брак был неудачным, через 12 лет жена оставила его. Вскоре он нашел себе подругу в лице француженки Жанны Режи, которая была почти на 30 лет моложе его и на которой он женился лишь незадолго до своей смерти в 1923 г., поскольку не мог раньше получить развод. Последние годы XIX в. Парето провел на вилле во Фьезоле близ Флоренции, много писал и выступал с публичными лекциями по политической экономии. Либеральные и отчасти социалистические взгляды помешали ему получить место в итальянском университете. Такая возможность представилась лишь в 1893 г., когда по рекомендации известного экономиста Леона Вальраса он занял его место в университете Лозанны. В 1896 г. выходит фундаментальный труд «Курс политической экономии»⁴, в котором Парето разрабатывает идею маржинальной теории стоимости и проблему экономического равновесия. Он формулирует принцип, согласно которому (в упрощенном виде) во всех обществах соотношение бедных и богатых остается примерно одинаковым. Разработка этого принципа укрепила его пессимизм относительно возможности

³ Некоторые авторы ошибочно называют ее дочерью Михаила Александровича Бакунина.

⁴ Cours d'économie politique. V. 1–2. Lausanne, 1896–1897.

коренного преобразования общественного устройства, вместе с тем сама идея покоится на убеждении о наличии социальных констант, исследуя которые можно научно прогнозировать ход событий.

В 1898 г. Парето получил наследство, благодаря которому смог купить небольшое имение в Селиньи на Женевском озере. Здесь он провел последнюю треть жизни, продолжая преподавать политэкономия, а затем социологию, но постепенно замыкаясь в обществе гражданской жены и двух десятков ангорских кошек. Он продолжал в течение некоторого времени вести активную научную и публицистическую деятельность, вел переписку с друзьями и коллегами. В статье «Приложение социологических теорий»⁵ он развивает некоторые принципы своей будущей системы волнообразного развития общественных явлений, восходящей к принципам, заложенным еще Макиавелли. В частности, он говорит о типах человеческого поведения, присущих группам политической элиты, – с одной стороны, консервативном и последовательном, с другой – гибком и приспособительном⁶. Эти типажи он называет «львами» и «лисицами» – образы почерпнуты из «Государя», хотя и переосмыслены. Нарастающий пессимизм Парето в отношении радикального преобразования общества обрел форму в новом труде «Социалистические системы»⁷, посвященном критике утопических, на его взгляд, построений Маркса. Следует заметить, что исторический материализм как научную теорию Парето не отвергал и в какой-то степени разделял его положения о наличии социальных законов, об определяющей роли борьбы классов. В то же время мысль Парето движется от классической политэкономии в сторону зарождающейся новой науки – социологии, по мере того как он осознает важность изменчивой ментальной составляющей в жизни общества, в том числе в хозяйственных отношениях. Эти идеи отразились уже в «Курсе политической экономии» и в коренным образом переработанных его изданиях – «Руководстве по политической экономии» 1907 г. и во французском переводе 1909 г. Парето делает акцент на нелогичности, иррациональности поведения (не исключая экономического) человеческих индивидов и вводит вместо базового понятия «полезность» образованное на греческой основе слово *orphelimité*, которое можно перевести как «желательность». Свои взгляды на общество Парето изложил в уже упоминавшемся капитальном труде «Трактат по общей социологии», написанном в 1907–1914 гг. и изданном в 1916 г. Четыре тома огромного трактата изобилуют ссылками и историческими примерами; история всегда занимала важное место в построениях писателя, который обладал обширными познаниями в этой области. Впрочем, исторические параллели, проводимые в этом труде, используются Парето и в других его работах, в том числе в «Трансформации демократии», как и основные понятия, вводимые для описания социальных процессов. Они образуют более или менее определенную схему, что позволяет отражать систему Парето даже в виде таблиц⁸, однако ее создатель на деле не стремился дать исчерпывающее (тем более полностью формализованное) описание социальной действительности⁹. Некоторая причудливость его терминологии как раз и подчеркивает, может быть, принципиальную неосуществимость подобной задачи. Из главных терминов два («чувства» и «интересы») употребляются в более или менее распространенном значении, но основу построений Парето составляют два класса,

⁵ Un'applicazione di teorie sociologiche // Rivista Italiana di sociologia, 1901. P. 402–456.

⁶ Подробнее см.: Powers Ch. H. The Life and Times of Vilfredo Pareto // Introduction to the Transformation of Democracy. New Brunswick, 1984. P. 8–9.

⁷ Les systemes socialistes. V. 1–2, 1902–1903.

⁸ См. упомянутую выше, в прим. 6, статью Ч. Пауэрса.

⁹ Важное наблюдение Парето заключается в том, что исторически возникшие и используемые социальной наукой понятия и теории являются производными от реальных явлений, но не полностью адекватно описывают их, хотя сегодня могут представляться некими универсальными истинами. В частности, он считает ошибочным возводить внешне похожие феномены – феодалы или синдикаты – к похожим явлениям других эпох (античной клиентеле в первом случае и средневековым гильдиям во втором). Сам он видит в них частные порождения общего закона колебаний распределения власти между центром и периферией.

на которые делятся социальные явления и которые выражают соотношение между устойчивым и изменчивым, реальностью и представлениями о ней или объяснениями ее. *Residui* (или в буквальном переводе «остатки») суть проявления реальных чувств, не всегда или смутно осознаваемых, но лежащих в основе поступков. Возможно, это слово родилось как результат математической операции, заключавшейся в вычитании из суммы психических феноменов, переживаний и объяснений реальности ее чисто субъективной, объясняющей составляющей, служащей для оправдания поступков. Остаток – это реальность, сущностный мотив, то, что в действительности движет людьми, отражение их истинных чувств. Все прочее, придуманное в ходе культурной и социальной эволюции, выработки идеологий и культов, – это деривации, косвенные производные от действительных чувств. Остатки и деривации соотносятся между собой, как иррациональное и рационализующее, как реальность и способ ее использовать, объективный смысл и более или менее соответствующее ему объяснение. Парето выделил шесть классов остатков, из которых наиболее важны с точки зрения его теории социальной динамики два. Первый тип остатков выражает склонность к комбинациям; это желание перемен, поиск выгоды, готовность манипулировать людьми и цинизм; второй тип – групповая или агрегатная устойчивость (*persistenza di gruppo, di aggregati*) – инертность, консерватизм, упорство в вере. Эти типы поведения более или менее соответствуют упоминавшемуся выше делению на «львов» и «лисиц». Они также лежат в основе объяснения разработанной Парето теории циркуляции элит. Во всех обществах, согласно Парето, существуют элиты и руководимые ими массы. Понятие элиты также не имеет у Парето четкого и однозначного определения. С одной стороны, элиту составляют люди, достигшие выдающегося результата в своем виде деятельности, которым может быть и мошенничество. Знаменательно, что здесь, как и во многих случаях, социолог следует по стопам Макиавелли, который в гл. X кн. I «Рассуждений» говорит об иерархии разного рода профессий и об успехах людей в рамках этих занятий. С другой стороны, элита – это группа, управляющая обществом и концентрирующая в своих руках максимум доходов. В ней могут преобладать, например, «лисицы», которые склонны к методам достижения согласия путем обмана и манипуляций; во времена Парето это была прослойка, называемая им демагогической плутократией. Другой способ управления – силовой – практиковался военно-бюрократическими слоями, оттесненными демагогической плутократией в ходе Первой мировой войны от власти почти во всех странах Европы. Двум лагерям плутократии – военному и демагогическому – Парето противопоставляет классы землевладельцев и трудящихся. Ни одна из элит не может удерживаться у власти до бесконечности; рано или поздно происходит их смена, но ротация может осуществляться и относительно незаметно, если правящие верхи открыты для проникновения наиболее способных и достойных лиц снизу, и насильственным путем – по мере деградации правящего класса и усиления оттесненных от власти групп. Такая смена тоже происходит не одномоментно, о ее приближении или удалении можно судить по степени ослабления или укрепления центральной власти. Через деградацию элит и их ротацию, через централизацию и децентрализацию осуществляются циклы, определяющие судьбы общества и отражающие множество волнообразных процессов, из которых складывается динамическое равновесие¹⁰.

Важной и существенной чертой системы Парето является подразумеваемая в ней взаимосвязь разных сфер жизни общества, в частности политики и экономики. В последней сфере одним из главных факторов ему представляются колебания между продуктивными видами деятельности и, условно говоря, спекулятивными. К первым он относит производство, выделяя особенно сельское хозяйство, и направленную на него предпринимательскую деятельность. Спекулятивной является игра на бирже и всевозможные виды извлечения денег «из воздуха».

¹⁰ Одна из формул Парето характеризует равновесие как состояние, когда никакое улучшение положения одного индивида невозможно без одновременного ухудшения положения других.

Политические отношения и инициативы правительств, начиная с налогов и заканчивая военными действиями, непосредственно воздействуют на экономическое состояние общества, на распределение доходов и прямо или косвенно на производство богатств.

Можно сказать, что построения Парето заполняют некоторые пробелы в марксизме, констатирувавшем определенное соответствие политических и других «надстроечных» форм формам общественного производства. Парето пытается на строго научной основе исследовать механизм осуществления незыблемых социальных и исторических законов через сознательную, а лучше сказать: псевдосознательную деятельность людей в ее бытовых, идеологических, политических и прочих проявлениях.

Макиавелли, как уже было сказано, является в этом отношении его прямым предшественником. Заявление Макиавелли о том, что он хочет изучить не воображаемую, а настоящую правду вещей (Государь. Гл. XV), перекликается с программным тезисом Парето о его верности логико-экспериментальной науке. Собственно, здесь есть некоторое противоречие. Швейцарский социолог, с одной стороны, часто оговаривается, что он не желает вступать в область прогнозов, связанную с зыбкими человеческими чувствами, с деривациями, искаженно отражающими реалии, с суждениями, неизбежно остающимися гадательными из-за отсутствия доступных массовых данных. В то же время его теории покоятся в значительной степени на понимании определяющей важности этих субъективных материй и на попытке их учесть, в том числе путем установления законов и выведения математических формул.

Важным шагом на этом пути было исследование человеческой деятельности как целесообразной и введение понятия «объективная цель»; несмотря на то, что на самом деле все цели субъективны, предпринимаемые действия не всегда ведут к желаемому результату. Осознанные поступки не всегда выражают смысл предпринимаемых действий, который может быть заслонен от индивида другими целями; например, желание утолить голод не обязательно должно осознаваться как задача пополнить энергетические запасы организма. Классы действий, в которых объективная и субъективная цели не совпадают, Парето относил к нелогическим. В своем стремлении ограничиться сферой строгой науки он сам, на мой взгляд, не во всем логичен, когда выводит за ее пределы человеческую субъективность и условия ее формирования. Разделяя опыт и оценку, разграничивая объективное и субъективное, выводя область морали за пределы науки, Парето как бы молчаливо возвращается к раскритикованному им тезису предшествовавших экономистов о том, что все люди одинаково стремятся к единой цели, ведущей к общему благу; у Парето ее место занимает статистически преобладающий своекорыстный интерес. Здесь можно видеть отход от социологического релятивизма, открытие которого он ставил себе в заслугу.

Возможно, здесь нет вопиющего противоречия, но при желании фигуру ангорского затворника можно представить довольно неоднозначной. Это был теоретик, стремившийся увидеть результаты своих изысканий на практике, создатель систем и публицист, радикальный демократ и противник социалистической власти, ученый наблюдатель и обличитель плутократии.

Последние работы Парето являются в некотором смысле итогом его творчества, в них он пытается (как, впрочем, на протяжении всей жизни) приложить к текущим событиям теоретические постулаты, которые были им выработаны. Очерк «Трансформация демократии» представляет собой анализ экономических и социально-политических процессов, наблюдаемых в послевоенной Европе. С точки зрения его автора, общество вступило в кризис, характеризующийся ослаблением и развалом центральной власти. Парето предвидит большие перемены, завершение одного исторического цикла и начало другого. Традиционная демократия с ее парламентаризмом, всеобщим избирательным правом, свободой торговли и протекционизмом, либеральными ценностями клонится к закату; ее экономическая система утрачивает эффективность и не обеспечивает прирост общественных богатств; правящая элита погружена в спе-

куляции и поглощена своекорыстными планами; правительства стараются удерживать массы в повиновении с помощью все новых подачек и не думают о завтрашнем дне. Новые силы представлены профсоюзами и другими рабочими организациями, которые захватывают предприятия, организуют стачки, устанавливают рабочий контроль, диктуют свою волю властям и, не считаясь с писаными законами, навязывают обществу свои требования, такие как сокращение рабочего дня и ничем не обоснованное повышение заработной платы. Действия рабочих не встречают серьезного отпора со стороны буржуазии, которая отчасти утратила способность отстаивать классовые интересы, отчасти руководствуется ложными демократическими лозунгами относительно прогрессивной роли пролетариата, равенства, прав человека и т. д. Кто-то верит в них искренне, кто-то на них греет руки.

Парето не верит в прогресс, но не собирается поддаваться эмоциям, которые, впрочем, отчетливо заметны в его публикациях. Он не сочувствует пролетариату, однако не сочувствует и буржуазии, по крайней мере той ее части, которая пустилась в сомнительные спекуляции. Его симпатии на стороне собственников, но не плутократов, а бережливых предпринимателей, сельских хозяев, рантье, имущих, подвергающихся все более жесткому налоговому давлению. Их вклад в общественное производство, осуществляющийся через накопление капитала, представляется ему, очевидно, решающим. Впрочем, Парето предпочитает придерживаться позиции ученого наблюдателя, который не станет выдавать желаемое за действительное и строит свои прогнозы только на тех положениях, которые можно верифицировать, – на опытных (исторических и статистических) данных, на повторяющихся ситуациях. Он не является приверженцем партии или некоей гипотезы, пусть даже научной, которая позволяет отдавать предпочтение тем или иным социальным силам на основании их большей правоты или прогрессивности. Любопытно, что Парето не выделяет той или иной формы собственности как предпочтительной; он рассматривает коллективную и даже государственную собственность наравне с частной и не предрекает поражения или триумфа ни одной из них. Он лишь отмечает, что в современном производстве непосредственно руководит предприятием и выполняет организационные функции, как правило, одно лицо или небольшая группа лиц.

В журнальных и газетных статьях Парето, как мы уже отмечали, постоянно делает отсылки к своей системе и разъясняет используемые им термины. При всех оговорках о верности логико-экспериментальной науке эта система (особенно в ее конкретных приложениях) оставляет двойственное впечатление. Парето отвергает социалистическую теорию и идею диктатуры пролетариата из-за присущего им утопизма. Сам он не строит гипотез относительно характера будущего общества и ограничивается утверждениями, которые можно сделать относительно неизбежных событий (таковых очень мало) или наступающих с большой долей вероятности.

Беда в том, что наука не очень помогает в предвидении подобного рода событий. Неизбежно наступающие события заранее становятся очевидными почти для всех, во всяком случае для тех наблюдателей, которые располагают некоторым опытом и знаниями и следят за развитием ситуации. Вероятные события тем и отличаются, что предсказать их невозможно, они могут наступить или не наступить; куда легче объяснять их в исторической ретроспективе задним числом, поэтому неизменной популярностью пользуются всевозможные шарлатаны, астрологи и знаменитые предсказатели типа Нострадамуса, чьи туманные периоды почти всегда можно истолковать в ту или иную сторону постфактум. Сам Парето воспринимал такие прогнозы в виде особых проявлений нелогических действий, в которых заключено некоторое рациональное зерно (см. его излюбленный пример о прорицании Дельфийского оракула относительно битвы при Саламине и афинских деревянных стен). Для установления основной связи фактов бывает достаточно эмпирических знаний и здравого смысла; системы и теории, научно открывающие то, что скрыто от простых смертных, мало что добавляют. Швейцарский социо-

лог признает это, когда с одобрением и отчасти критически разбирает, допустим, речи дона Стурдзо, содержащие оценки, в основном совпадающие с его собственными.

В чем же тогда результат многолетней работы инженера и социолога, можно сказать, социального инженера, какие плоды принес его труд, кроме констатации того, что не стоит прогнозировать того, что невозможно предсказать? Во-первых, следует заметить, что наука обращается прежде всего к процессам, которые носят устойчивый и длительный характер. Стоит обратиться здесь к сравнению Парето с ученым, который в 20-е гг. делал первые шаги на поприще истории; я имею в виду Ф. Броделя. Французский историк, вдохновлявшийся, как и швейцарский ученый, идеей математизации истории и сближения обществоведения с позитивными науками, поставил во главу угла изучение долговременных, почти неизменных структур, прослеживаемых за волнующейся рябью фактов, а события считал малосущественными с точки зрения рисуемой историком широкомасштабной картины.

Здесь нет места для анализа не только понятия «событие», но и того, как оно соотносится с фактами и структурами; достаточно сказать, что сами исторические циклы и периоды могут рассматриваться как большие события. Но устойчивые тенденции и повторяющиеся ситуации распознать, в общем-то, легче, чем предсказать конкретные результаты – кто победит в войне или когда наступит кризис¹¹? Парето отчасти подтверждает этот тезис там, где он, как впоследствии Бродель, – замечательное совпадение, говорит о трех типах колебаний. «При рассмотрении краткосрочных, точнее, очень кратких, колебаний часто эмпирический подход помогает больше, чем научный. Что касается средних, то здесь они выступают на равных, если эмпиризм сочетается со знанием о многочисленных циклах, совершавшихся в прошлом. Исследование длительных и очень долгих колебаний является уделом науки» («Прогнозирование социальных явлений»). Эмпирические знания Парето предлагает дополнить анализом фактов, которые характеризуют динамическое равновесие общественных процессов. Если бы можно было знать все факты, можно было бы давать точные прогнозы. Так некогда Макиавелли писал о гипотетическом мудреце, который мог бы повелевать звездами¹².

В итоге научно-публицистические произведения Парето представляются, с одной стороны, набором иллюстраций к довольно-таки банальным общим положениям его системы (таковы общие положения всех систем, об этом мы говорили вначале) – это циклы централизации и децентрализации власти, чередование анархии и порядка; в конце концов, и идея о ротации элит не является экстраординарным открытием. С другой стороны, в них присутствуют точные прогнозы, которые могут быть результатом как научного анализа, так и хорошего знания истории; это, в частности, предположения о том, что Россию ожидает приход к власти нового Ивана Грозного¹³, или более спорный тезис относительно восстановления обычного (дореволюционного) неравномерного распределения доходов при советской власти. Некоторые высказывания швейцарского ученого предрекают наступление всеобщего экономического кризиса (который и разразился в 1929 г.) и Второй мировой войны («Будущее Европы: точка зрения итальянца»).

¹¹ Отдельный вопрос, что именно хотят знать люди и что именно понимается под предвидением будущего. Люди и общества озабочены прежде всего собственной судьбой, их мало волнуют отвлеченные научные закономерности. Парето обращает на это внимание, когда говорит о различиях эмпирического и научного подходов.

¹² «Если бы был человек, настолько умный, чтобы постичь все времена и положения и приспособиться к ним, то ему всегда везло бы и он не жаловался бы по меньшей мере на судьбу, тогда оправдалась бы поговорка, что мудрый повелевает звездами и роком». Фантазии, адресованные Содерини (Ghiribizzi al Soderini).

¹³ Но похожие прогнозы Парето делает и в отношении Италии, когда он предрекает возможность радикализации рабочего движения и прихода местного «Ленина», или укрепление власти прежней элиты с помощью диктатуры. В последнем случае можно сказать, что он предвидел вероятность появления Муссолини и Гитлера, но здесь он был далеко не одинок, такую перспективу видели многие «эмпирики», публицисты, политики и ученые. Что же касается сущности фашизма, то очень скоро в суждениях Парето, сперва питавшего некоторые иллюзии, появляются нотки разочарования, о чем сказано ниже.

К числу малоудачных предвидений Парето последних лет можно отнести соображения, которые он высказывал по основному, наверное, для него вопросу о будущем Италии и о роли фашизма в этом будущем и – шире – в судьбах Европы. Собственно говоря, в своих прогнозах швейцарский социолог, как мы уже отмечали, был очень осторожен и подчеркивал, что хочет оставаться в рамках строгой науки, которая в своих обществоведческих проявлениях не достигла еще такой точности, как в естественных дисциплинах.

Поэтому с точки зрения научной строгости к нему трудно предъявить серьезные претензии в этом пункте. Речь идет скорее о сфере интересов и чувств, которую Парето считал плохо поддающейся научному анализу, а тем более расчету, но за объективизмом его статей просматриваются вполне определенные человеческие оценки и симпатии. Как я уже говорил, его возмущали агрессивные и беспардонные, по его мнению, действия профсоюзов, раздражало бессилие и сервильность власти. Тем не менее Парето старается быть беспристрастным и отмечает, что с уверенностью можно говорить лишь о наличии кризиса и что выходов из этого кризиса может быть несколько, в том числе установление некоего нового социалистического устройства (некоммунистического), не обязательно провального и не обязательно пагубного для производства. В то же время он с некоторой надеждой следит за деятельностью третьей силы, представленной нарождающимся фашизмом и обещающей восстановление жесткого порядка в стране. Трудно сказать, проявляется ли в этом такой же утопизм, как тот, который был вменен самим Парето теоретикам диктатуры пролетариата; во всяком случае, нельзя не заметить, при всех оговорках, делаемых публицистом в его последних статьях («Феномен фашизма» и др.), что энергичная политика фашистов и их вождя, бывшего социалиста Муссолини, встречается им с сочувствием. В Муссолини он видит нечто вроде макиавеллиевского вооруженного пророка, способного силой подкрепить веру. Парето, собственно, объясняет, почему в Италии не произошло социалистической революции – у социалистов не нашлось лидера, подобного Ленину.

Отчасти созданию сомнительной репутации Парето способствовало то, что при фашистах, буквально в последние месяцы жизни писателя, к нему пришло, наконец, запоздалое общественное признание. Он был назначен представителем Италии в одной из комиссий Лиги наций, с подачи Муссолини ему было предложено звание сенатора Итальянского королевства. Не в последнюю очередь эти факты привели к формированию репутации Парето как человека, симпатизирующего фашизму, и чуть ли не его теоретика¹⁴. На самом деле уже на основании некоторых идей, высказанных Парето в этот период – о необходимости соблюдения свободы мнений, особенно в преподавании; свободы печати, умеренности («Феномен фашизма», «Свобода») – можно сделать вывод, что он не изменил либеральным убеждениям своей молодости, и предположить, что пути Парето и фашизма в дальнейшем должны были разойтись. Ученый говорит об упадке демократии и об угрозе нового Средневековья, но оптимистического варианта развития событий, кроме упований на умеренность и благоразумие фашистов, не предлагает. Надежды Парето не оправдались, зато подтвердился установленный им универсальный (по его мнению) закон: в обществе правит меньшинство, обманывающее массы.

Как бы то ни было, после того как швейцарский писатель покинул этот мир (20 августа 1923 г.), ничего кардинально нового с точки зрения общественного строительства не было изобретено, а Италия вместо ожидаемого очередного вклада в копилку цивилизации¹⁵ пережила одну из самых печальных страниц своей истории. Демократия выжила, сохранилась в обновленном обличье и реализовала свои преимущества перед диктатурой; а может быть, так

¹⁴ Фашисты использовали некоторые термины, заимствованные у Парето, например, «плутократия» (хотя он его не изобрел). Кроме того, отдельные натуралистические подходы последнего, такие как учение об органической смене больших, упадочных элит здоровыми, напоминающие псевдонаучную теорию пассионарности, близки построениям расизма.

¹⁵ «Италия, которая была родоначальницей стольких форм цивилизации, может внести свой решающий вклад в становление еще одной из них». Статья «Свобода».

повернулось колесо Фортуны. К сожалению, «демократия»¹⁶, которую сегодня пропагандируют как светлое будущее, сохранила все свои недостатки, о которых Парето говорит применительно к демагогической плутократии. Парето не знал, что печатание денег может при определенных условиях стать *почти* неиссякаемым источником богатства, он только предостерегал от этой иллюзии. Фашизм оказал плохую услугу человечеству, которое никак не успокоится на золотой середине между деспотическим порядком, превращающимся в произвол, и открытым обществом, чреватым анархией и вопиющим неравенством. Существует ли такое среднее состояние? Было бы очень полезно продолжить опыты Парето, развить его мысли о прогнозировании с помощью исследования общих законов и т. д., но его наследие изучают сегодня преимущественно историки, а от них трудно ожидать революционных открытий.

Труды Вильфредо Федерико Дамазо Парето, как и труды любого ученого, предлагают нам формулы, которые могут пригодиться для определенных целей. Вопрос в том, насколько это обществоведение вписывается в понятие науки. От науки мы хотим узнать прежде всего, как всё устроено, от социологии – как устроено общество, от истории, в частности, как было. Тем самым наука удовлетворяет нашу любознательность, наш инстинкт познания. Во-вторых, она должна подсказывать людям, как надо поступать с точки зрения целесообразности, достижения результатов, технологии, но также и морали, общепринятых ценностей. Физика или математика в этом смысле являются такими же учительницами жизни, как история. Научность не отрицает, а требует от исследователя понимания тех целей, ради которых он работает.

В-третьих, желательно получить от науки прогноз: как именно будет (таковы были лозунги позитивизма и логико-экспериментальной науки Парето) – истина выше морали. Однако наука в определенном смысле сама есть миф, продукт веры в то, что все можно понять и предупредить, предсказать, веры во всемогущество разума и опыта. Религия научного свободомыслия отличается от других религий только тем, что допускает справедливость чужих мнений и ошибочность своего. Обмен мнениями и диалог с учеными разных эпох – необходимое условие существования науки. Отсюда ценность и актуальность наследия¹⁷ Вильфредо Парето несмотря на очевидный пессимизм скрывающего за экзотическими терминами и формулами определенный положительный заряд, уверенность в правильности избранного пути познания.

Марк Юсим

¹⁶ Я употребляю это слово в кавычках, потому что речь идет в данном случае о том, что Парето называл деривацией – конструкте, имеющем большую идеологическую нагрузку.

¹⁷ На русский язык к настоящему времени переведен ряд сочинений Парето: О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10; 1996. № 1, 2, 7, 10 (Un'applicazione di teorie sociologiche); Компендиум по общей социологии. М.: ГУ-ВШЭ, 2007; Социалистические системы. М.: Директмедиапаблишинг, 2007; Отрывок из «Трансформации демократии» не очень удачно переведен с англ. в изд.: Тексты по истории социологии XIX–XX вв.: Хрестоматия / Сост. и отв. ред. Добреньков В. И., Беленкова Л. П. М.: Наука, 1994. Очерк жизни и творчества Парето на рус. яз. см.: Рахшмир П. Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001 (Вильфредо Парето: экстравагантный элитист. Судьба либерала в Италии), есть также в электронном виде.

Трансформация демократии

I. Вводные замечания¹⁸

Название этой работы неточно, оно используется здесь за неимением лучшего.

Прежде всего термин «демократия» так же неопределен, как многие другие термины повседневного языка. Самнер Мэйн¹⁹ полагает возможным преодолеть трудности, связанные с его использованием, заменив его выражением «народное правление» – так он назвал свои очерки. Но это выражение не намного лучше упомянутого термина и навряд ли можно облечь в правильную и точную форму то, что расплывчато и эфемерно.

Ведь государства на самом деле не подвержены резким трансформациям. Они находятся в непрерывном изменении, как живые организмы, меняющиеся со временем. Именно такое социальное движение мы собираемся здесь анализировать.

С точки зрения опыта мы должны его классифицировать, в том числе в рамках совокупности социальных явлений; в противном случае нас подстерегает опасность вместо объективного исследования ограничиться субъективными впечатлениями, навеянными минутой.

Здесь возникают две сложности. Анализ общества в целом многотруден, уже попытка к нему приступить потребовала создания двух томов «Социологии». Поэтому я вынужден, вопреки собственному желанию, отослать читателя к ним, чтобы не пускаться в рассуждения, которые здесь неуместны²⁰; но чтобы избавить его от чтения этой книги во всех подробностях, я предваряю данную работу кратким ее изложением. Вторая сложность связана с тем, что даже рассмотрение череды трансформаций народного правления, к которым относится и сегодняшняя, требует исследования массы исторических материалов. Малая часть их, которую мне удалось изучить, настолько велика сама по себе, что рассказать о них невозможно даже в общих чертах. Придется ограничиться несколькими примерами.

Читатель, который пожелает углубиться в подробности, может обратиться к многочисленным и превосходным книгам, посвященным этому предмету. Я, разумеется, не столь самоуверен, чтобы вступать в соревнование с их авторами; напротив, я признаю, что почерпнул из них все свои скромные познания, и если я не привожу всех и даже многих цитат из этих книг, то не затем, чтобы скрыть эти заимствования, а только из недостатка места, а также потому, что я не занимаюсь в данном случае историей политических учений.

Меня не останавливает уважение к авторитетным мнениям, если я вижу, что они расходятся с фактами; факты, с точки зрения опытного метода, авторитетнее мнения любого ученого из нашего сообщества.

Напомним некоторые общие положения, содержащиеся в «Социологии».

Мы должны рассматривать содержание всякого общественного явления, способ его изучения в прошлом и соображения, которые высказывались по его поводу.

¹⁸ Rivista di Milano. 1920. 5 maggio. P. 5–14; 1920. 20 maggio. P. 45–53; 1920. 5 giugno. P. 91–100; 1920. 5 luglio. P. 193–202. Эти четыре очерка, опубликованные пятью порциями, через год были изданы отдельной брошюрой, к которой Парето прибавил эпилог. «Трансформация демократии» увидела свет в Милане в 1921 г., в типографии издателя Корбаччо; ее объем 141 страница в формате 8°. Эта брошюра под названием «Трансформации демократии» в 1946 г. была переиздана издательством «Гуанда» под редакцией Марио Миссироли, который снабдил ее кратким, но содержательным предисловием. Тот же Миссироли был редактором новой публикации сочинения в издательстве Каппелли (май 1964 г.) с тем же предисловием, к которому он добавил две страницы текста. Статья Миссироли очень важна с точки зрения истории распространения политических идей Парето в Италии. – *Прим. итал. ред.*

¹⁹ Генри Джеймс Самнер Мэйн, английский правовед и историк (1822–1888). – *Прим. итал. ред.*

²⁰ При этом мы будем приводить в скобках номер параграфа «Социологии», к которому делается отсылка.

Наиболее устойчивая и важная с точки зрения содержания часть связана с чувствами и интересами (§ 2146). Первые были подвергнуты анализу в «Социологии», при этом были выделены определенные элементы, названные остатками; о вторых там тоже шла речь, отчасти они рассматривались в «Политической экономии».

Форма проявления чувств и интересов, а также их логические последствия чрезвычайно изменчивы; об этом рассказывают исторические сочинения, особенно новые, исследующие происхождение институтов.

Люди, склонные следовать предрассудкам, обращают внимание на очевидные факты. Если цивилизованные народы сегодня не считают, что солнце каждый вечер опускается в океан, то иные их верования не больше соответствуют действительности, чем это. Кроме того, желание не довольствоваться знанием «как», но доискиваться также «почему» вполне естественно. Ответ на этот вопрос с известными ограничениями дает логико-экспериментальная наука, но так как названные ограничения людей раздражают (ведь они не любят преходящего и стремятся к абсолюту) и так как экспериментальная наука всегда плохо использовалась и мало-пригодна для использования в общественных дисциплинах, вместо нее за ответом обращаются к лженаукам, которые истолковывают факты с помощью чувств, предрассудков, под влиянием, часто не осознанным, интересов и другими способами, чуждыми логико-экспериментальной науке. Так появляются на свет продукты мысли, которые в «Социологии» мы называли деривациями.

Деривации бывают самого разного рода, часто они сверкают всеми цветами радуги и столь же мимолетны, но под этой пестротой, как и во многих других случаях, кроется нечто постоянное, о чем подробно сказано в соответствующем разделе «Социологии».

Анализом этого предмета не занимается ни метафизика, которая исходит из абсолюта, ни эмпиризм, довольствующийся поверхностным сходством. Чтобы объяснить сегодняшние явления, он обращается к сходным явлениям прошлого, но не находит (и не может найти) их, потому что история никогда не повторяется; число комбинаций, возникающих из элементарных человеческих действий, бесконечно; история рассказывает только об этих комбинациях.

Общественное устройство никогда не пребывает в неподвижности; это процесс вечного становления, который идет более или менее быстрыми темпами. Это относится и к Античности – от Спарты до Афин, и к современности – от Китая до Англии. Разница в том, что движение может быть медленным, как в Спарте или в Китае, либо ускоренным, как в Афинах и в Англии. Такие же различия наблюдаются в одной и той же стране в разные эпохи. Например, Италия находится в постоянном процессе перемен, начиная от доисторических времен Ромула до наших дней, но его интенсивность от года к году меняется.

Нетрудно понять, как определяется начало новой эры: для адепта христианской религии – от пришествия Христа, для мусульманина – от Хиджры, для приверженца демократических религий – от учреждения Третьего интернационала, от ленинской революции и т. д.; логико-экспериментальная наука никоим образом не претендует на суждения в этой области, поскольку это вопросы веры, выходящие за рамки опыта. Но если оставаться в этих рамках, если изучать события с фактической стороны, не обращаясь к вере, то можно заметить, что названные эры только формально можно назвать новыми, а по существу указанные даты соответствуют пикам кривых, отображающих непрерывное движение. Иначе говоря, было христианство до Христа, магометанство до Магомета, демократия до французской революции и большевизм до Ленина.

Такой взгляд на вещи, сознательно отстраняющийся от веры, полезен и необходим для экспериментальной науки, но очень часто он вреден для дела. Скептицизм хорош в теории, вера же побуждает к действиям, а практическая жизнь наполнена ими. Идеальные цели могут быть абсурдными и в то же время полезными для общества; об этом нам придется часто вспоминать, потому что это положение часто упускают из виду.

Это различие между пользой для опытной науки и пользой для общества относится к числу фундаментальных; я подробно писал об этом в «Социологии»; здесь же я упоминаю о нем во избежание недоразумения, связанного с тем, что простая передача фактов и высказанные мной соображения на их счет часто воспринимаются как призыв к действиям в определенном направлении. Если на основании фактов я делаю вывод, что наша буржуазия движется к гибели, это не свидетельствует о моем намерении оценить этот процесс как плохой или хороший, так же как я не мог бы дать оценку подобному процессу упадка феодальных сеньоров, начало которому положили Крестовые походы, или призвать буржуазию изменить поведение, или усовершенствовать нравы, вкусы, избавиться от предрассудков, или тем более объявить, что у меня есть рецепт лекарства от болезней буржуазии, или, если угодно, общества в целом. Напротив, я открыто заявляю, что если такое лекарство и существует, мне оно неизвестно; я выступаю в роли врача, который диагностирует у больного туберкулез, но не знает, как его излечить. Позволю себе добавить, что пока общественные науки не продемонстрировали существенных достижений, эмпирик и человек действия часто более успешно врачуют общественный организм, чем теоретик и ученый, хотя первые и могут почерпнуть нечто из арсенала последних.

Рационализм, который можно считать разновидностью интеллектуальной религии, утверждает, что расхождений между теорией и практикой, между логическим пониманием возможного и верой в невозможное, в фантазию, а также между действительными и идеальными целями не должно быть и что следует стремиться к исчезновению этих расхождений. Возможно, это справедливо, но мы изучаем то, что есть, а не то, что должно быть; ход наших рассуждений изменится, когда изменятся его предпосылки – чувства, вкусы, интересы, образ действий людей, но не ранее того (§ 2411).

На это можно возразить, что если такие перемены стоят на повестке дня, для науки было бы неплохо уже сейчас приступить к их рассмотрению; однако ход события за последние две с лишним тысячи лет несколько не свидетельствует об их приближении. Поэтому предоставим заботу об изучении социологии человека будущему потомкам и удовольствуемся исследованием человека вчерашнего и сегодняшнего дня, а также ближайшего будущего.

Боюсь, что по мере моего движения вперед группа согласных со мной читателей редет, и теперь, когда мне нужно приступить к выводам из изложенных принципов, она растает. Тем не менее о них нельзя умолчать.

Первый вывод заключается в том, что поскольку всякий политический режим является следствием предшествующих режимов и истоком будущих, при желании дать ему абсолютно позитивную или негативную оценку мы должны оценить все эти будущие политические режимы, число которых бесконечно²¹. Поэтому мы не сможем дать такой оценки, а будем вынуждены отказаться от абсолютного и обратиться к преходящему, а также определить понятия добра и зла и исследовать только ближайшие последствия рассматриваемого политического режима, установив приблизительные границы этого ближайшего периода.

Проскрипции, введенные триумвирами в Риме, террор времен первой французской революции, репрессии большевиков – благо или зло? На этот вопрос можно ответить с помощью чувства, веры, основанных на априорных постулатах рассуждений и т. п., но не с помощью логико-экспериментальной науки.

Отдаленное подобие понимания связи разных феноменов представляет собой утверждение Клемансо о том, что Французскую республику следует воспринимать в целом, как нечто единое, и кого устраивает ее часть, должно устраивать и все остальное. На этом примере хорошо заметно различие между научным рассуждением и деривацией. Высказав свой принцип, Клемансо, желая следовать логике, должен был бы распространить его и на нынешнюю

²¹ См. § 2338 и 2548 «Социологии» (В-2).

русскую революцию. Но он этого не делает, не приводя доводов и не рассматривая русскую революцию как единое целое; осуждает ее за террор, отказываясь осуждать за то же самое французскую революцию.

Воспользуемся случаем заметить, что описанный факт представляет собой частный случай общего правила. О социальных явлениях, которые постоянно повторяются, трудно сказать что-то действительно новое, ведь они должны откладываться в умах наблюдавших их интеллектуалов; разница между приведенным мнением и тем, которое высказывается наукой, заключается лишь в большей степени приближения к истине, добытой опытом.

Так, мнение невежды о тучной и скудной почве отличается от мнения химика; последний, в отличие от первого, знает, из каких элементов состоят названные почвы, определения которых для первого точны и приемлемы, а для второго неопределенны и должны быть исключены из строго научного рассуждения. Поэтому было бы безмерной глупостью отрицать прогресс, сделанный химией, или говорить, что химик повторяет невежду; так поступают те господа, которые утверждают, что всякая новая теория заимствована у старых авторов, и даже находят у Аристотеля идеи, высказанные Дарвином.

Если говорить об экономике, то в библейском упоминании о семи жирных и семи тощих коровах, как и в труде Клемана Жюглара²² об экономических кризисах, речь идет о маятниковых колебаниях, но степень их приближения к реальности различна. То же самое в отношении социального устройства можно сказать о приближении к реальности метафизической теории Вико, концепции Феррари и современной логико-экспериментальной науки²³.

Тщательное изучение фактов приводит нас к важнейшему выводу, что «колебания отдельных частей социального феномена связаны между собой, как и сами эти части, и попросту выражают происходящие в них изменения. Если прибегнуть к обманчивому понятию „причины“, то можно сказать, что нисходящий период есть причина восходящего периода, и затем наоборот; но это лишь означает, что восходящий период неразрывно связан с предшествующим ему восходящим, и затем наоборот; следовательно, в целом: что отдельные периоды суть проявления одного и того же положения вещей, и что мы наблюдаем их чередование, так что процесс этого чередования образует экспериментальное единообразие. Существуют различные типы таких колебаний, зависящие от времени, за которое они происходят. Оно может быть кратчайшим, кратким, длинным и очень длинным (§ 2338)».

Таким образом, нам предстоит исследовать, принадлежит переживаемая нами трансформация к кратким и случайным или ее следует отнести к среднесрочным либо долгосрочным процессам (1718).

²² К. Жюглар (1819–1905) – французский экономист, основоположник теории повторяющихся циклов в экономике. Он был автором книги *«Des Crises commerciales et leur retour periodique en France, en Angleterre, et aux Etats-Unis»*. Paris: Guillaumin, 1862. – *Прим. перев.*

²³ См. французское издание «Социологии», § 2330.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.